

Անյւս

ТРАПЕЗУНД ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ ВЕСНА 1915 ГОДА

С наступлением турецких войск в деревню пришли перемены. Солдаты маршировали по улицам, будто пытаясь сравнять их с землей. Женщины крепче прижимали к себе детей. Старики отворачивались, вслушиваясь, как звуки чеканного солдатского шага эхом отражаются от каменных стен.

Солдаты вошли в Трапезунд в октябре 1914 года, а до деревни добрались полгода спустя. В мире шла война, и все, о чем говорили жители, — это о незащищенности границ и наступлении российских войск.

Задолго до этого все молодые мужчины деревни надели солдатскую форму и отбыли на службу. Их семьи до сих пор оставались безутешными.

Явившиеся в деревню солдаты были не местные, не армяне, от них веяло жгучим холодом.

Стоя возле церкви, две армянские девочки наблюдали за марширующими солдатами — те повернули на площадь и начали строиться на южной ее стороне. Сотни винтовок ударились оземь, подняв клубы пыли вокруг солдатских башмаков.

Когда лейтенант начал выкрикивать команды, младшая девочка, Саси Таланян, от испуга выронила из рук буханку черного хлеба. Хлеб сразу же был подхвачен голодным псом. Похоже, он единственный не был обеспокоен этим оглушительным топаньем.

Ануш Шаркодян, более высокая девочка, отвела взгляд от площади, чтобы посмотреть, что делается на улице. На другой ее стороне в дверях магазина Туфенкяна стояла, уставившись на солдат, маленькая женщина — мать Ануш. Она выглядела старше своих тридцати девяти лет и была худа, впрочем, как и большинство жителей деревни. Она с вызовом рассматривала солдат, но ее узкое лицо было белее снега. Этот момент Ануш не забудет никогда. Она поняла, что ее мать испугалась.

* * *

Пройдя через ржавые ворота и дальше по переулку, поросшему травой, Ануш направилась к ферме семьи Таланян. Когда-то давно на ферме были коза, пара свиней, ежегодно приносивших выводок поросят, корова, дающая молоко, и курятник, полный несушек. Но к 1914-му году все изменилось.

Отец Саси и два старших брата были призваны в турецкую армию, и госпожа Таланян пыталась управлять фермой самостоятельно, делая все, что могла. Девять месяцев спустя от мужа и сыновей перестали приходить письма и деньги, не было никаких известий о них, и она на все махнула рукой.

Свиней не стало: одну продали, другую съели, и свинарник опустел. Коза куда-то пропала, а лошадь была уже так стара, что ни на что не годилась.

Ферма, да и сама госпожа Таланян, выглядели так, будто они сдались и обрушились одновременно. Крыша из красной черепицы просела посередине длинного здания, а побег дерева завладел потолочными балками и пролез наружу. Его зеленые усики свешивались над окном спальни, которую Саси делила со своей сестрой Хават.

В сыром углу одной из комнат нижнего этажа выросли грибы. Ставни на окнах болтались туда-сюда или их и вовсе не было.

Проходя мимо, Ануш попыталась закрыть ставни на одном окне, но их петли так заржавели, что не поддавались и в конце концов просто упали наземь.

Во дворе появился самый младший из семьи Таланян — одиннадцатилетний Кеворк. Он вышел из коровника с вилами в руке.

— Барев¹, Ануш! — поприветствовал он девочку, уставившись на корзину в ее руке.

— Барев, Кеворк. Где все?

— Саси и мама ушли в деревню. Хават вон там...

Хават встала с сена, лежавшего в сарае, и подошла к Ануш.

— Что это? — спросил Кеворк, кивком указывая на корзину.

— Попробуй, тогда и узнаешь, — предложила Ануш.

Мальчик снял крышку с кастрюльки и вдохнул восхитительный запах. Пальцами он взял немного кушанья, попробовал и расплылся в улыбке.

— Твоя бабушка делает очень вкусные рыбные фрикадельки, — отметил он и протянул немного своей сестре.

Они сели у подножья дуба и стали есть руками, пока кастрюлька не опустела. В воздухе витал рыбный запах, и пасшийся неподалеку гусь насторожился и поднял голову.

— Для тебя ничего не осталось, — засмеялся Кеворк, глядя на него.

— Хочу еще! — сказала Хават, подбородок которой был измазан анчоусными фрикадельками.

— Больше нет, и хватить распускать слюни, Хават! — Мальчик резко вытер рот сестры рукавом. — Позже пойдем в курятник, может, будут яйца на ужин...

Но все они знали, что куры уже давно не несутся, кроме одной, и семья выживала благодаря ей и угощениям соседей.

— Я завтра еще чего-нибудь принесу, — сказала Ануш. — Может быть, плов.

Хават улыбнулась, облизала язычком верхнюю губу. На ее широком лице поблескивали глаза. В деревне Хават звали

¹ Барев — самая распространенная у армян форма приветствия. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

Монголка, потому что она была похожа на монгольских всадников, которые приехали из российских степей в Ризау и Трапезунд.

Местные жители после рождения Хават считали ее мать уже слишком старой, чтобы иметь детей, но, к всеобщему удивлению, госпожа Таланян забеременела снова и родила здорового мальчика — Кеворка.

— Госпожа Стюарт спрашивала о тебе, — заговорила Ануш. — Она хотела знать, почему ты не был в школе.

— Я теперь работаю на ферме, мне нужно помогать матери.

— Завтра будут вручать призы. Я не должна была тебе говорить, но, по-моему, один из них предназначается тебе!

Кеворк искоса посмотрел на Ануш:

— Дадут медаль?

Та кивнула:

— Да, ты один из победителей.

Мальчик недолго обдумывал сказанное.

— Отдай ее Саси, мне нужно работать.

— Мне кажется, твой отец хотел, чтобы ты ее получил!

— Мой отец предпочел, чтобы я присматривал за фермой.

Господин Таланян, как и многие мужчины деревни, не умел ни читать, ни писать, но хотел, чтобы его дети учились. Он был другом детства отца Ануш и дальним родственником ее матери.

Своего отца Ануш толком не знала. Напоминанием о нем служил лишь портрет, висевший у двери, да помазок, который она держала в своей комнате. На фотографии отец был запечатлен стоя: в костюме и рубашке с жестким воротничком, возле сидящей матери, одетой в традиционное армянское платье. Они с торжественным видом уставились в камеру, будто незнакомцы, каковыми, по сути, и являлись. Дагеротип¹ давно

¹ Дагеротип — снимок, сделанный способом дагеротипии, раннего фотографического процесса, основанного на использовании светочувствительной посеребренной медной пластинки.

поблек, его цвет стал мутно-зеленым, что придавало лицам неземную бледность. Однако же это нисколько не уменьшило доброты в глазах отца и не скрыло блеска его густых каштановых волос.

Ануш обожала мужчину на фотографии. Она любила его той любовью, какую лишь ребенок может испытывать к отцу, которого никогда не знал. Они были чем-то похожи, не ростом, хотя отец был необычно высок, а скорее темным цветом глаз и волос.

Их схожесть была для Ануш источником постоянной отрады. Все деревенские девочки после двенадцати лет скалывали волосы, но Ануш носила толстую косу, которая свободно свисала на спину.

— Покачай меня, — попросила Хават и увлекла Ануш к качелям.

Девочка села, устроилась поудобнее. Ануш встала рядом и легко качнула.

— Выше!

Качели скрипели и стонали, а ноги Хават рассекали прохладный воздух.

— Выше! — снова попросила она, откидываясь назад.

Старые качели восставали против такого обращения, с каждым толчком их опоры чуть ли не вырывались из земли.

— Толкай сильнее!

— Ты упадешь, Хави! — предостерегла ее Ануш, но еще раз сильно толкнула.

Громкий металлический скрежет испугал ласточек, дремавших на выступающих потолочных балках сарая. Ануш ухватилась за веревки и резко остановила качели.

Кеворк опустил вилы и пошел посмотреть, что творится в переулке. С тех пор как двуколку продали, ворота более не открывали, на улицу выходили сквозь пролом в рушащейся каменной стене.

Петли ворот заржавели из-за влажного соленого воздуха и жалобно заскрипели, когда солдаты начали их открывать. Они